Посвящается памяти профессора Фёдора Михайловича Березина

Фёдор Михайлович Березин (1930—2003)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛИНГВИСТЫ XX века

Ответственный редактор В. В. Потапов

Книга подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Издаётся при поддержке издательского проекта РГНФ № 16-04-16107

Редакционная коллегия: член-корр. РАН В. М. Алпатов, канд. филол. наук И. А. Борисова (отв. секретарь), д-р филол. наук В. В. Потапов (руководитель изд. проекта, отв. ред.), канд. филол. наук H. Н. Трошина

O 82 Отечественные лингвисты XX века / Отв. ред. В. В. Потапов. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 808 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9908330-3-6

В справочнике представлены аналитико-информационные статьи о научном наследии выдающихся отечественных языковедов, внесших огромный вклад в историографию лингвистики, разработку проблем структурной организации языка, его исторического развития и функционирования. Представлены различные парадигмы языкознания, с позиций и в рамках которых ведущие специалисты в области различных частных филологий проводили свои исследования по важнейшим проблемам лингвистической науки. Данное издание посвящено памяти исследователя русской лингвистической школы, бессменного руководителя на протяжении многих лет сектора «Языкознание» ИНИОН РАН, профессора, доктора филологических наук Федора Михайловича Березина.

Справочник ориентирован как на лингвистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественного языкознания.

УДК 80/81 ББК 81-5

В оформлении переплета использована картина А. Шевелёва «Костромская слобода. Март» (2015)

Содержание

Предисловие	7
\dagger Φ . M . Березин. Советское языкознание XX века:	
задачи, проблемы, решения *	
В. В. Потапов. Рубен Иванович Аванесов*	45
<i>Д. М. Насилов</i> . Николай Александрович Баскаков	65
В. А. Пищальникова. Федор Михайлович Березин	
М. Б. Раренко. Виктор Иванович Борковский*	
W . A . E ельчиков. Виктор Владимирович Виноградов *	95
Л.Г.Лузина. Григорий Осипович Винокур*	
Р. С. Аликаев. Мирра Моисеевна Гухман	133
Л. Б. Копчук. Анатолий Иванович Домашнев	151
$E.\ O.\ Oпарина.\ $ Николай Николаевич Дурново $^*.$	165
С. А. Ромашко. Виктор Максимович Жирмунский*	181
К. Г. Красухин. Владимир Константинович Журавлёв	193
<i>Л. Д. Захарова.</i> Григорий Андреевич Ильинский*	199
$A.\ M.\ Кузнецов.\ Соломон\ Давидович\ Кацнельсон^*$	213
О. В. Федорова. Александр Евгеньевич Кибрик	
В. Г. Гузев. Андрей Николаевич Кононов	245
\dagger Ф. М. Березин. Петр Саввич Кузнецов*	255
† Φ . <i>М. Березин</i> . Борис Александрович Ларин *	267
Д. А. Леонтьев, А. А. Леонтьева, Е. Ф. Тарасов.	
Алексей Алексеевич Леонтьев	
<i>Н. Н. Трошина</i> . Тимофей Петрович Ломтев*	291
В. И. Постовалова. Алексей Федорович Лосев*	301
К. Г. Красухин. Энвер Ахмедович Макаев.	323
Е. С. Маслова. Юрий Сергеевич Маслов	329
К. Г. Красухин. Иван Иванович Мещанинов*	
<i>И. Г. Добродомов</i> . Сергей Петрович Обнорский*	353
† Л. И. Скворцов. Сергей Иванович Ожегов *	365

	Содержание
--	------------

6	<i>Гооержание</i>
Л. П. Крысин. Михаил Викторович Панов	383
В. А. Кочергина. Михаил Николаевич Петерсон*	395
О. К. Клименко. Александр Матвеевич Пешковский*	405
В. М. Алпатов. Евгений Дмитриевич Поливанов*	427
† В. А. Виноградов, С. Е. Никитина. Александр Александрович Реформатский*	439
Г. М. Фадеева. Элиза Генриховна Ризель	
Л. Д. Захарова. Афанасий Матвеевич Селищев*	
<i>Н. С. Бабенко.</i> Наталья Николаевна Семенюк	
К. Г. Красухин. Борис Александрович Серебренников*	
В. В. Потапов. Владимир Николаевич Сидоров*	
О. А. Смирницкая. Александр Иванович Смирницкий*	
† Н. В. Солнцева. Вадим Михайлович Солнцев*	
А. Н. Барулин, А. В. Дыбо, С. А. Крылов. Сергей Анатольевич Старостин	
А. С. Либерман. Михаил Иванович Стеблин-Каменский	
† Б. П. Нарумов, И. И. Челышева. Георгий Владимирович Степанов $^*\dots$	591
К. Г. Красухин. Юрий Сергеевич Степанов	
Е. О. Опарина. Вероника Николаевна Телия	611
А. В. Дыбо, А. В. Шеймович. Эдхям Рахимович Тенишев	621
А. Д. Дуличенко. Никита Ильич Толстой*	637
А. Григорян, М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян. Владимир Николаевич Топор	ов661
<i>И. Г. Добродомов</i> . Олег Николаевич Трубачев*	679
U . $\mathit{\Gamma}$. Добродомов. Дмитрий Николаевич Ушаков *	697
\dagger Ф. М. Березин. Федот Петрович Филин * .	709
В. М. Алпатов. Александр Алексеевич Холодович*	723
К. Г. Красухин. Олег Сергеевич Широков	
$A.\ \mathcal{A}.\ \mathcal{U}$ Митрий Николаевич Шмелев *	739
В. А. Пищальникова, В. В. Потапов. Лев Владимирович Щерба*	
В. М. Алпатов. Николай Феофанович Яковлев*	
† А. А. Леонтьев. Лев Петрович Якубинский *	
А. М. Кузнецов. Виктория Николаевна Ярцева*	793

 $^{^{*}}$ Статьи ранее публиковались в: Отечественные лингвисты XX века: Сб. статей // РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания; Ред. колл.: Березин Ф. М. (отв. ред.) и др. Ч. І: А—Л. М., 2002; Ч. ІІ: М—С; Ч. ІІІ: Т—Я. М., 2003. (Сер.: Теория и история языкознания.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник продолжает серию сборников «Отечественные лингвисты XX века», ранее выходивших под редакцией профессора Ф. М. Березина. Если предыдущие сборники были посвящены главным образом ученым первой половины XX века, то здесь представлены ушедшие от нас лингвисты, чья деятельность (или, по крайней мере, ее основная часть) пришлась на вторую половину века, на период между Отечественной войной, через которую пришлось пройти многим из них, и концом советской эпохи. Некоторые из них работали и в 1990—2000-е гг.

Время их деятельности, памятное еще многим, было в истории нашей страны относительно спокойным, непохожим на бурную и часто трагическую первую половину века. Позже большую часть данного периода не вполне справедливо назвали «эпохой застоя». Не скажу, что застоя совсем не было, но все-таки для развития нашей науки в это время открывалось много возможностей. Власть уделяла науке немало внимания, сложилась (в отличие от 20—30-х гг. с постоянными реорганизациями) стабильная система академических институтов и вузов, быть ученым считалось престижным. У кого-то бывали неприятности; например, О. С. Широкову пришлось дважды покидать города, где он работал: Черновцы (где, по его рассказам, ему не давал покоя занимавший там тогда пост в обкоме будущий президент «свободной» Украины Л. М. Кравчук) и Минск. М. В. Панову пришлось пережить большую для того времени неприятность — исключение из партии, в которую он вступил на фронте. Однако это не шло в сравнение с тем, что было в предыдущие десятилетия: в отличие от персонажей предыдущих сборников среди ученых, здесь представленных, никто не был в заключении, никто не оказывался на длительный срок без работы. Конечно, как и везде, не всем по тем или иным причинам удавалось реализовать свои таланты, но у многих это получилось. Здесь представлены биографии языковедов, состоявшихся в науке.

В лингвистике было и дополнительное обстоятельство: если в первой половине века, помимо всего прочего, развитию этой науки мешало господство «нового учения о языке» Н. Я. Марра, то после 1950 г. с этим было покончено. Из представленных здесь ученых лишь немногие, как М. М. Гухман, испытали в начале пути его влияние, затем отойдя от него: большинство с самого начала имели возможность работать в иной парадигме. Но это не означало унификации взглядов. После короткого периода «сталинского учения о языке», по сути сводившегося к восстановлению идей и методов русской дореволюционной, в основном исторической науки,

Предисловие

со второй половины 50-х гг. началось активное освоение западных идей и развитие советского структурализма. По сути, эти идеи не были для СССР абсолютно новыми: у нас и раньше, несмотря на возмущающий фактор марризма, развитие науки о языке шло в том же направлении, что особенно ярко было выражено в Московской фонологической школе. Но знать мировые процессы было необходимо.

В 50—80-х гг. при не столь большом, как раньше, влиянии вненаучных обстоятельств в советском языкознании шло интенсивное противоборство школ и направлений. Считалось, что борются, прежде всего, структуралисты, занимавшиеся синхронией, строившие лингвистические модели разного рода и видевшие идеал науки в ее математизации, и так называемые традиционалисты. Последнее направление не составляло единства, к нему обычно причисляли тех, кто занимался историческим и сравнительно-историческим языкознанием, а также дисциплинами, игнорировавшимися структуралистами, вроде социолингвистики. Обе стороны не стеснялись в выражениях, тем более что борьба могла приобретать и политическое звучание, особенно с конца 60-х гг. Вряд ли А. Е. Кибрик или В. Н. Телия могли в те годы совмещаться с Ф. М. Березиным или А. И. Домашневым. Ситуация осложнялась тем, что на Западе к тому времени структурализм уже не был последним словом науки: появился генеративизм Н. Хомского, в связи с чем некоторые «традиционалисты» уже считали структурализм по сравнению с ним меньшим злом. Но генеративизм так и не стал в нашей стране сколько-нибудь влиятельным направлением; характерно, что в этой книге не представлен никто, кто бы работал в этой парадигме.

В то же время к концу века (еще до падения СССР) обозначился переход от структурализма, не выходившего за рамки чистых структур, к функциональной лингвистике, изучающей язык вместе с говорящими на нем людьми. Об этом переходе подробно говорится в очерке о А. Е. Кибрике. Этот процесс вовсе не означал затухания исследований по самым «традиционным» областям языкознания вроде индоевропеистики, исследователи которой в большой мере представлены в сборнике.

С исторической дистанции видишь, что при всех разногласиях все настоящие ученые делали общее дело, по-разному развивая те или иные области науки о языке, и все они остались в истории науки. Лингвисты, здесь представленные, жили наукой, отдавали ей все силы, а обстановка в стране, не всегда во всем комфортная, в целом все же благоприятствовала их деятельности.

Состав имен также показывает широкую тематику исследований советской науки о языке второй половины XX века. Тут есть и чистые теоретики, и люди, отдававшие много сил и времени практическим вопросам. Есть специалисты по современным языкам, но также и историки языка и компаративисты. Одни занимались теорией языка и типологией, но многие были, прежде всего, исследователями конкретных языков и языковых групп. Состав этих языков также обширен: русский и другие славянские, германские, романские, тюркские, кавказские и другие. Представлены и такие области, как психолингвистика и социолингвистика. Большинству из представленных здесь ученых удалось создать научные школы.

Можно, конечно, спорить о том, насколько правомерно включение того или иного специалиста в данный сборник, но думаю, что в целом его состав представителен. При изучении этого состава хочется отметить еще два обстоятельства. Во-первых, в

те годы не было значительного перекоса в ту или иную сторону между чисто научной и научно-педагогической деятельностью. Среди представленных здесь ученых были и сотрудники академических и других исследовательских институтов, и люди, чьим основным местом работы были вузы. А едва ли не большинство из них совмещали (одновременно или в разные годы) оба вида деятельности. Но, во-вторых, мы видим другой перекос (не изжитый и в наше время). Все представленные здесь лингвисты либо всю жизнь проработали в Москве или Ленинграде/Петербурге, либо, начав деятельность где-нибудь еще (выпускников периферийных вузов среди них довольно много), потом переезжали в один из этих столичных городов. Я не говорю, что в других городах не было видных ученых и научных школ, но все же перекос был и есть.

И особая проблема: международная известность тех или иных ученых. Мы видим из статей, что некоторые из представленных здесь лингвистов (М. М. Гухман, А. Е. Кибрик и др.) такую известность получили. Однако многие другие значительные ученые так и не перешагнули своими достижениями через границу. Представляется, что открытие миру этих достижений остается актуальной задачей.

Надеемся, что сборник даст представление о полувековом периоде в истории отечественной науки о языке, познакомит читателя с яркими личностями, еще недавно занимавшими в этой науке видное место.

В. М. Алпатов, член-корреспондент РАН

† Ф. М. Березин

Советское языкознание XX века: задачи, проблемы, решения

В предлагаемой вниманию читателей первой части сборника «Отечественные лингвисты XX века» (сборник будет состоять из трех частей) анализируются работы выдающихся русских лингвистов послереволюционного периода, внесших огромный вклад в разработку проблем структурного членения языка, его функционирования и внешних связей, проблем знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем. На материале русского, славянских, германских, романских языков ученые выдвинули оригинальные идеи в области фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, морфологии, словообразования, синтаксиса, стилистики и культуры речи, литературного языка и его развития.

В работах этих ученых формировались основные черты советского теоретического языкознания — интерес к проблематике социологии языка, его типологии, внимание к содержательной стороне языка, стремление к изучению динамики языковых процессов, выявлению внутрисистемных языковых связей, изучение истории языка в связи с историей народа, говорящего на данном языке, и т. п. В анализируемых работах эти характерные особенности получили разное преломление в зависимости от конкретной тематики, индивидуальных интересов, что и стремились показать авторы статей о том или ином ученом.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала грандиозную ломку не только в сфере общественноэкономических отношений, но и в области науки. Наука, в том числе и языкознание, была привлечена к служению народу, новому обществу, практические нужды которого она была призвана обслуживать. Наука о языке приобретает громадное практическое значение. В первую очередь это было обусловлено тем, что огромные массы безграмотных ранее людей получили доступ к русской и мировой культуре. Изменилась функциональная роль русского языка, который стал языком межнационального общения.

Начавшееся массовое распространение грамотности, расширение сферы употребления русского и национальных языков, практические задачи создания новых литературных языков, отражение грандиозных революционных процессов в языке все это поставило перед языковедами такие задачи и проблемы, с которыми прежнее отечественное языкознание и не сталкивалось.

Известные советские языковеды Лев Рафаилович Зиндер (р. 1910) и Т. В. Строева вспоминают, что атмосферу, царившую в советском языкознании 20—30-х гг., можно определить как период поиска. «Это был поиск новых тем, нового материала, новых путей, а главное — новых методологических основ, которые лингвисты стремились черпать из материалистической марксистской философии» [Зиндер, Строева 1999: 206].

Характерной чертой того времени было желание извлечь непосредственно практическую пользу из всякого исследования. А задач было множество: это и создание письменности для множества бесписьменных и по существу неисследованных языков, это и распространение литературного языка в среде трудящихся, и методика преподавания иностранных европейских языков, широко внедряемых в массы, и другие задачи.

Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева отмечают, что созданный в 1930 г. и просуществовавший до 1937 г. Институт речевой культуры (ИРК) в Ленинграде отражал всю множественность теоретических и практических задач, стоящих перед советским языкознанием.

В период, предшествующий революции, русское языкознание в постановке и разработке проблем в работах отечественных лингвистов было далеко впереди зарубежного языкознания. Показательны в этом отношении слова Е. Д. Поливанова (1891—1938): «...в деле разработки общелингвистических проблем русские и польские ученые предшествующего поколения не только были наравне, но и намного опередили современных им, да и современных нам западноевропейцев (позволю себе привести один пример: посмертная книга Ф. де Соссюра, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой)» [Поливанов 1931: 3—4].

Вообще для русского дореволюционного языкознания характерной особенностью в освещении общеязыковедческой проблематики была философская направленность, заключающая в себе мысль о том, что все явления мира, в том числе и язык, могут быть рассмотрены как различные формы материи.

Сразу после революции, когда перед языковедами встал вопрос о поисках тех путей, по которым должно развиваться новое марксистское языкознание, необходимо было правильно решить вопрос о преемственности старого и нового.

Крупный ученый дореволюционной России, много и плодотворно занимавшийся проблемами армяно-грузинской филологии, Николай Яковлевич Марр (1864—1934) полагал, что старое индоевропейское языкознание, обязанное своим появлением буржуазной идеологии, зашло в тупик, поскольку занималось изучением вымышленного, никогда не существовавшего праязыка. Исходя из идеи «единства глотто-

гонического (языкового) процесса», он считал, что языки, особенно индоевропейские, возникают в результате схождения, скрещивания и смешения первоначально разнородных языков. Занимаясь кавказским языкознанием, он обратил внимание на влияние кавказского субстрата на индоевропейский армянский язык. Этот субстрат он назвал яфетическим, и элементы этого субстрата Марр стремился найти не только в армянском, но и в языках всего мира.

Субъективно Марр стремился стать марксистом, принять активное участие в становлении революционной общественной науки. Объективные причины (недостаток философской подготовки, отсутствие настоящей лингвистической школы) привели его к упрощенному, вульгарно-социологическому истолкованию сложных явлений и процессов языкового развития. Он выдвинул тезис о том, что язык является идеологической надстроечной категорией, возникшей на базе производства и производственных отношений, игнорируя положение о том, что язык есть важнейшее средство человеческого общения.

Из представления о языке как надстроечной категории Марр сделал и другие, в корне ошибочные выводы. Во-первых, поскольку всякой идеологической надстройке присуща классовая сущность, то язык тоже является классовым. Во-вторых, язык развивается стадиально, в результате смены общественных формаций. Марр полагал, что переход общества из одной формации в другую должен сопровождаться переходом языка из одного состояния в другое, при этом структура языка резко меняется и возникает новая, качественно отличная система языка. В-третьих, пути развития всех языков едины (теория единства глоттогонического процесса). Марр полагал при этом, что поскольку в развитии общества наблюдаются одни и те же закономерности, постольку и в развитии языка выявляются общие закономерности, связанные со сменой формаций общества.

Положения «нового учения» о языке вызвали более чем скептическое отношение со стороны некоторых языковедов того времени, поскольку противоречили фактам языка. Но справедливы слова о том, что «понять Н. Я. Марра периода "нового учения о языке" можно только в контексте революционной эпохи» [Абаев 1960: 99]. Популярности «нового учения о языке» способствовали боевой дух и пафос преобразований советской этики, которые пронизывали всю деятельность Марра. Как писал тот же Василий Иванович Абаев (1899—2001), «проблематика Марра и общее направление его исследовательских устремлений... отражали по-своему боевой дух и революционный размах советской эпохи» [Там же: 96].

Не следует думать, что «новое учение о языке» Марра господствовало повсюду. Зиндер и Строева свидетельствуют: «"Новое учение о языке" Марра присутствовало в ИРКе (Институте речевой культуры. — Φ . E.) с самого начала, но оно не насаждалось в обязательном порядке и не было ведущей линией. Такие его положения, как учение о четырех элементах, совсем не находили отражения в трудах ИРКа. Большая часть работ... вообще основывалась на других методах и идеях. Эта широта и терпимость ко всякой мысли, которая стремилась к созданию материалистического воззрения на язык, может быть и была той притягательной силой, которая привлекала к себе большое количество ученых, очень разных по объему их исследований, по возрасту и по научному темпераменту» [Зиндер, Строева 1999: 210].

Произвольное оперирование языковым материалом в намечаемых Марром стадиальных схемах вызывало их неприятие, выражаемое, правда, не в печатной форме из-за боязни репрессий. Так, видный представитель русского сравнительно-исторического языкознания, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ, Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941) писал в одной из своих рукописей, датируемой 1938 г.: «При всех своих сравнениях акад. Марр опирается всегда на собственную, им составленную яфетическую фонетику, базирующуюся на многочисленных вариациях указанных четырех звуковых комплексов и их переходов... Не будет ошибки, если скажем, что в общем в сопоставлениях акад. Н. Я. Марра, в связи с многочисленностью допускаемых им звукоизменений, значительно больше свободы по сравнению с приемами арио-европейского языкознания...» [Богородицкий Архив. Л. 3—4].

Анализ того, как Марр сумел превратить свое учение в официальную догму, получившую поддержку сверху и снизу и господствовавшую в советской лингвистике с первой половины 20-х годов до развенчания и гибели 20*июня 1950 г., дан в обстоятельной и фундаментальной книге В. М. Алпатова «История одного мифа» (1991).

Черной страницей в истории советского языкознания было так называемое «дело славистов». Это дело было сфабриковано Секретнополитическим отделом ОГПУ в конце 1933 — начале 1934 г. Его жертвами оказались известные ученые и специалисты, среди которых Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, В. В. Виноградов, Н. П. Сычев, П. Д. Барановский, В. Н. Сидоров и др., и наряду с ними скромные музейные работники, краеведы, врачи, агрономы. Дело было одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции в годы «культурной революции» в СССР. Целью этой кампании было не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей по сравнению с господствовавшей. Однако в 1937—1938 гг. не менее трети осужденных по делу, еще находившихся в системе ГУЛАГ'а, было уничтожено, а несколько человек еще ранее не выдержали страданий. «В то же время другой части осужденных удалось вернуться к работе, а изменившаяся в военные и послевоенные годы конъюнктура оказалась благоприятной для некоторых из них» [Ашнин, Алпатов 1994: 3]. В книге подробно разбираются судебные дела упомянутых выше лингвистов и прослеживается их судьба в те тяжелые годы.

Хотя абсолютизация «нового учения о языке» сужала творческие возможности советских языковедов в 20—30-е гг., в этот период они, продолжая традиции отечественных дореволюционных лингвистов, занимаются выявлением множественности причин изменения языка, указанием на социальную обусловленность языковых изменений. В этот период интересы советских лингвистов обращаются прежде всего к социолингвистической проблематике, к изучению того, какое отражение нашли в языке социально-политические сдвиги, обусловленные революцией.

В 20—30-е гг. появляется ряд работ, посвященных социолингвистической проблематике. Это книга Р. О. Шор (1894—1939) «Язык и общество» (1926), книга А. М. Селищева (1886—1942) «Язык революционной эпохи» (1927), статья М. Н. Петерсона (1885—1962) «Язык как социальное явление» (1927), работа Е. Д. Поли-

 $^{^{1}}$ Имеются в виду четыре постулируемых Марром звуковых элемента: sal, ber, jon, roš. — Φ . E.

ванова (1891—1938) «Революция и литературные языки Союза ССР» (1927), статьи Б. А. Ларина (1893—1964) «О лингвистическом изучении города» (1928) и «К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок)» (1928). Эти работы советских языковедов заложили основы нового оригинального направления советского языкознания, известного под названием «социальная диалектология», которое позднее переросло в социолингвистику. Социальная диалектология требовала изучать языковые явления в тесной связи с территориальными и социальногрупповыми изменениями носителей данного языка, а также языковые изменения внутри различных группировок этих носителей.

Проблемы социологии языка получили теоретическое осмысление в работах Е. Д. Поливанова. В круг проблем социологической лингвистики он включал определение языка как социального исторического факта, описание языков и диалектов с социологической точки зрения, изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями, выработку языковой политики. Подводя итоги развитию советского языкознания за 1917—1927 гг., Поливанов писал: «... наука о языке должна быть наукой социологической... Первая, существеннейшая особенность... это перенос центра тяжести на социологическую сторону в изучении языка... Революция в области лингвистики выразилась у нас прежде всего в появлении новых — именно социологических тем и задач исследования» [Поливанов 1968: 51—53].

Отличительная черта советского языкознания 20-х гг. состояла в том, что лингвисты активно участвовали в практической деятельности — в создании письменности для бывших «инородческих» народностей, не имевших ранее своей графики, составлении описательных грамматик, словарей, учебников и букварей для бесписьменных народов.

В 30-е гг. в нашей многонациональной стране началась подлинная культурная революция, одной из составных частей которой было языковое строительство. Для практического руководства языковым строительством были созданы научные центры — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, Комитет нового алфавита народов Севера и др. Основная деятельность этих комитетов заключалась в определении фонетических и графических основ алфавитов, определении базы создания литературных языков, разработке терминологии. В создании письменности, в формировании новых литературных языков большую роль сыграли такие языковеды, как Е. Д. Поливанов, Н. Ф. Яковлев (1892—1974) и др. Разработке алфавитов и орфографии, научных и практических грамматик, общих и специальных орфографических словарей посвящены такие работы Яковлева, как «Краткая грамматика адыгейского (кяхекого) языка» (1930), «Краткая грамматика кабардино-черкесского языка» (1938), в которых он приводит в стройную систему грамматические особенности этих языков. Основные принципы по унификации алфавитов для горских языков Кавказа изложены в его работе «Математическая формула построения алфавита» (1928).

Деятельность советских языковедов по созданию новых литературных языков привела к углубленному практическому и теоретическому изучению самых разнообразных языков нашей страны, расширила диапазон исследовательской работы, поставила перед советскими языковедами новые специфические задачи.